

Д.С. Львов, Г.Б. Клейнер

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРАКТИКА: СМЕРТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯТИЯ ИЛИ ВЗАИМНАЯ ПОДДЕРЖКА?

Взаимоотношения между экономической теорией и хозяйственной практикой в России всегда были полны драматизма. В наибольшей степени это проявлялось в периоды социально-экономических преобразований. Если в относительно спокойные периоды отечественного развития практика в основном доминировала над концептуальной экономической теорией, то в периоды потрясений, когда необходимость опираться на многолетние фактические данные, а вместе с ними и на всю эмпирическую базу, казалось, отпадает сама собой, теория воспаряла над эмпирикой и вела за собой практику (правда, как потом часто признавалось, по неправильному пути).

Чтобы разобраться более глубоко в существующих и желательных взаимоотношениях между вершинами знаменитого треугольника «экономическая теория - экономическая политика - хозяйственная практика», необходимо учесть как внутреннюю структуру, так и динамику каждого из этих образований, рассматриваемых с точки зрения двух других.

Что же представляет собой экономическая теория с точки зрения экономической политики и практики? «Решения, предлагавшиеся экономистами, не менее обманчивы, чем то, что предлагали богословы, которым экономисты пришли на смену», считает Джоан Робинсон. Заметить это, однако, не всегда легко по той причине, о которой упоминает в своей публикации В.А.Мау: между выдвижением и попытками реализации по-настоящему крупных экономических идей проходят десятилетия. Тем не менее (а может быть, и именно поэтому) влияние результатов, казалось бы, безответной академической работы ученых-экономистов на практику принятия хозяйственных и политических решений, существует. Вот что об этом пишет Дж.Кейнс: «Идеи экономистов и философов, и когда они верны, и когда ошибочны, гораздо более могущественны, чем это может показаться. Практики, искренне верящие в свою интеллектуальную независимость, на самом деле являются рабами идей какого-нибудь умершего экономиста».

И далее, что особенно важно для России: «Безумцы, находящиеся у власти и держащие нос по ветру, получили свое безумие в наследство от академического писаки - бумагомарателя». Для подтверждения этой блестящей мысли на примере истории России в XX веке достаточно вспомните имена таких идеологов, как В.И.Ленин, М.А.Сулов, Н.С.Хрушев, Е.Т.Гайдар и многие другие, не столь известные; все эти деятели активно претворяли в политики и экономике идеи, рожденные порой задолго до появления этих людей на политической арене.

Надо отметить, что современная экономическая наука - это достаточно неоднородная дисциплина, в рамках которой длительное время сосуществуют во многом противоречащие друг другу направления, теории, гипотезы. Так называемый «mainstream», т.е. наиболее мощное и общепринятое направление экономической науки (неоклассическая школа «экономике») подвергается критике со стороны эволюционных, неоинституционалистских и других относительно недавно оформившихся направлений, по-своему трактующих способы описания, факторы, изменчивые и неизменные черты экономической динамики. Особенно заметно это различие при рассмотрении объектов микроэкономического уровня, в первую очередь - производственных предприятий. Если по вопросам макроэкономики далеко не каждый индивидуум, и даже не каждый экономист имеет свое продуманное и «выстраданное» мнение (исключение составляет, пожалуй, вопрос об уровне налогообложения, который завышенным считают практически все), то здесь ареной соперничества экономических теорий являются объекты, с которыми сталкивается в жизни каждый. Тем не менее единой экономической теории функционирования предприятий в западной экономической науке не существует даже по отношению к достаточно устоявшейся практике деятельности западных предприятий. Тем более разнообразны способы объяснения и предсказания принятия тех или иных решений на отечественных предприятиях, переживающих длительный период перехода от одной системы к другой и находящиеся в нестабильной экономической среде.

В итоге в исторической ретроспективе экономическая теория представляет собой некий «остров погибших

кораблей», на котором соседствуют как крупные дредноуты, так и утлые канонерки, ставшие своеобразными памятниками научных и политических баталий и, как всякие памятники, вдохновляющие порой следующие поколения ученых и практиков, не знакомых в достаточной степени с замыслами, ходом и результатами этих битв, на новые подвиги с отработавшим свое вооружением.

Поэтому к прозвучавшему в выступлении В.М.Полтеровича предостережению об опасности «знания чертовой уймы вещей, которые на самом деле неверны (т.е. не соотносятся с практикой экономического развития конкретного объекта в конкретный исторический период - Д.Л. и Г.К.)», следует отнестись со всей серьезностью.

Здесь уместно вспомнить знаменитое письмо Нобелевских лауреатов, предостерегавших от неоправданной веры в либерально-монетаристские теории как панацею оздоровления экономики.

В экономике почти нет застывших конструкций и всеобъемлющих рецептов. Кризис переходного периода в социалистических странах Восточной Европы и бывшем СССР, финансовый кризис в странах Юго-Восточной Азии, взлеты и падения крупнейших транснациональных компаний - все это подтверждает особый статус экономической науки, удовлетворительно объясняющей экономическое «вчера» и плохо предсказывающей экономическое «завтра». Поэтому слепая вера в те или иные экономические догматы демонстрирует только узость мышления и непонимание исторической роли экономической науки.

По-видимому, роль этой древнейшей науки, как подчеркивает в своем выступлении В.А.Мау, совсем не в том, чтобы изготовить рецепты успеха страны, предприятия или отдельного бизнесмена (да и что такое, спросим себя, экономический успех данного хозяйствующего субъекта как не поражение возможного или реального конкурента?), хотя накопление в рамках экономической науки информации об этих феноменах и условиях, в которых они происходили, безусловно, имеет огромное значение. Но в чем же тогда «сверхзадача» экономической теории, если ее рецепты столь неоднозначны и сомнительны, как об этом говорят классики экономической науки? Если экономическая теория неизменно терпит фиаско в периоды страновых и мировых

кризисов и не смогла даже теоретически предвидеть проблемы, возникшие в странах переходной экономики? Чего же может ожидать экономическая политика от экономической теории и что может дать последняя хозяйственной практике? По нашему мнению, вклад экономической теории состоит из пяти основных компонент.

Во-первых, это язык общения экономистов и хозяйственников, наименование и соподчинение экономических категорий, вычленяющих и обозначающих процессы, объекты, явления. Как известно с древнейших времен, правильно назвать объект - это значит если не понять его сущность, то, во всяком случае, определить его место в структуре других явлений и тем самым проложить дорогу к пониманию его внутренних закономерностей.

Во-вторых, как правильно отмечает В.М.Полтерович, это экономическая идеология, т.е. система базисных взглядов на экономическую действительность и теорию. Без такой идеологии невозможно даже вести дискуссию по экономическим вопросам, так что в итоге общество оказалось бы неспособным к пониманию самого себя, дезинтегрированным и не готовым к поступательному развитию.

В-третьих, важной функцией экономической теории в ее взаимоотношениях с экономической политикой является своеобразный рекрутмент: многие политические и хозяйственные деятели были призваны к своему труду именно из сферы экономической науки (не сопоставляя уровень их научных достижений и тем более хозяйственные позиции, достаточно просто вспомнить имена Л.И.Абалкина, А.И.Анчишкина, Е.Т.Гайдара, А.Н.Шохина, Е.Г.Ясина, Б.Г.Салтыкова, А.Б.Чубайса, А.В.Нечаева, Е.Т.Сабурова, Я.М.Уринсона и многих других).

В-четвертых, важнейшей, на наш взгляд, функцией экономической теории является воспитание в хозяйственных и экономических деятелях любого уровня управления представлений о вариативности как возможных экономических решений, так и реакции хозяйственной практики на их реализацию. Если среди историков бытует мнение, что сослагательное наклонение в языке и предмете этой науки отсутствует, то в экономической науке сослагательность в общем смысле является презумпцией, а

в частном смысле - выступает как результат исследования. «Что было бы, если...» - обычный рефрен для прикладных экономических и экономико-математических исследований. Не случайно и в самом общепринятом нынче определении экономики как науки о способах распределения ограниченных ресурсов в целях наилучшего удовлетворения потребностей людей и общества идея вариативности заложена имманентно. Применительно к хозяйственной практике это означает, что широта арсенала экономической политики и эффективность его применения находятся в прямой зависимости от научной эрудиции лиц, принимающих социально-экономические решения.

Наконец, пятая, может быть, основная в данном контексте задача экономической науки по отношению к хозяйственной практике состоит в том, чтобы объяснять неэкономистам происходящие на предприятии, в стране, в мире процессы и изменения. Здесь используется и внедряется язык экономического мышления, распространяется экономическая идеология, выявляются люди, способные реализовать и донести эту идеологию, рассматриваются варианты решений и их экономические последствия.

Хотя перечень и содержание сформулированных направлений могут показаться адептам «экономического образа мышления» разочаровывающими, следует все же снять с создателей экономической теории прямую ответственность за ее чересчур ревностное применение в хозяйственной политике.

Предсказующая сила экономической теории неизбежно ограничена. В свете сказанного понятно, например, что бессмысленно требовать от теории, трактующей состав и механизмы влияния факторов на доходности и риск ценных бумаг на фондовом рынке (скажем, модели CAPM), достоверного прогноза динамики доходности акций и, соответственно, практического рецепта выигрыша на фондовой бирже: если бы это стало возможным, был бы подорван сам фундамент института фондового рынка.

К сожалению, в России соотношение между экономической теорией и экономической практикой издавна сложилось не лучшим образом. Эту практику скорее следует характеризовать вынесенным в заголовок этой статьи термином «смертельные объятия», чем считать их

взаимоотношения дружественными. В Советском Союзе официально признанная и развиваемая марксистская экономическая теория была в первую очередь средством преодоления экономической практики, в то время как экономическая практика, в свою очередь, преодолевала пути официальной экономической теории. В постреформенной России официальная монетаристская экономическая теория на макроуровне и неоклассическая теория фирмы на микроуровне также стали инструментами экономической политики и использовались для формирования новой хозяйственной практики. Суть взаимодействия экономической теории и хозяйственной практики как преодоления оказалась унаследованной от дореформенных времен. Не случайно принципиальная статья В.М.Полтеровича об этом периоде в истории России называлась «Экономическая реформа 1992 г.: битва правительства с трудовыми коллективами» (Экономика и математические методы, 1993, том 29, вып.4). Аналогична и направленность более позднего исследования С.Ю.Глазьева «Центральный банк против промышленности России» (Вопросы экономики, 1998, N 1). Результаты этого противостояния хорошо известны: тотальное августовское фиаско на макроуровне и полуразрушенное (в буквальном смысле слова) производство на микроуровне.

Удалось ли, тем не менее, экономической теории реализовать, хотя бы минимальным образом, свои базисные функции? В выступлениях А.Р.Белоусова, В.А.Мау и других говорится о вызовах, которые бросает практика экономической теории. С другой стороны, известный доклад В.М.Полтеровича и его статья в журнале «Экономическая наука современной России» (1998, N 1) однозначно трактуют современное состояние экономической теории как кризисное. Что же на самом деле смогла сделать экономическая теория как позитивная наука?

Хотелось бы привести несколько примеров, основываясь на интерпретации экономических феноменов, рассматриваемых в докладах участников совещания.

Одним из основополагающих, хотя и редко употребляемых в последнее время в собственном смысле слова понятий, которым мы обязаны экономической науке, является понятие экономической системы. Различие между

«системами» и «несистемами» крайне важно для социально-экономического анализа. Для экономических образований, которые можно отнести к системам, характерны две известные основные особенности: относительная устойчивость во времени и наличие тесных связей между внутренними элементами, более тесных, чем связи между ними и элементами внешней среды. По сути понятие системы является одним из тех, которые вообще позволяют внести какой-то порядок в структуру окружающего мира. Системный анализ как научное направление активно развивался в 20-х - 60-х годах нашего века, но сейчас относится (возможно, незаслуженно) к числу почти забытых инструментов научного анализа. Так вот: при исследовании транзитных экономик, анализе тех или иных кардинальных решений должен быть в первую очередь проанализирован системный аспект их последствий. Дело в том, что, условно говоря, жизнеспособными являются только системы. Несистемы обычно существуют относительно незначительное время и рассыпаются под влиянием притяжений со стороны могущественных систем.

В докладе В.М.Полтеровича, по нашему мнению, блестяще показана системность такого явления, как бартер, природа тех самых взаимосвязей, которые удерживают его от замены естественными товарно-денежными транзакциями и, как это, в общем, естественно для системных образований, наоборот, втягивают в круг бартерной экономики все новых и новых экономических агентов. В этом смысле представленный в работах В.М.Полтеровича институциональный анализ бартера является существенным вкладом в современную «бартерологию» - науку об этом, по-видимому, уникальном для современного экономики феномене.

Институциональные ловушки - это наполненные внутренней энергией локальные системы, которые способны беспрепятственно черпать эту энергию из внешней среды или весьма эффективно вырабатывать ее из внутреннего материала. В случае бартера как системы одним из источников внутренней энергии является директорский корпус предприятий, ловящий весьма жирную «рыбку» в мутноватой воде бартера, а источником внешней подпитки - посреднические структуры, использующие благодаря

несовершенной налоговой системе бартерный способ обращения как мультипликатор средств, вкладываемых в предприятия.

Следует отметить, что, как правило, кроме энергии внутренних сил притяжения вторым, так сказать, пассивным источником существования систем являются институциональные барьеры на пути распространения этой энергии. В случае бартера эту роль играют барьеры, довольно старательно «вращенные» между предприятиями, производящими однородную или взаимозаменяемую продукцию. Разрушение институциональной структуры отраслей стало мощным фактором расцвета бартера. Более глубокий анализ показывает, что ложно понимаемые и преувеличиваемые конкурентные отношения препятствуют предприятиям одной отрасли договориться между собой и вытеснить посредников с рынка своей продукции, обеспечив тем самым более естественное ценообразование, обеспечение и распространение своей продукции.

Что же касается взаимосвязей между макроэкономической политикой и возникновением институциональных ловушек, то эта связь, по нашему мнению, реализуется через несбалансированность экономики. Ведь только в несбалансированной экономике возможна длительная концентрация энергии развития в формах, присущих неэффективным институтам.

Второй пример системного анализа несистемных решений - это решения о приватизации производственных активов, очень быстро приведшие к распаду естественных инновационно-технологических звеньев экономики. В докладах С.Ю.Глазьева, М.Н.Узякова и других совершенно справедливо отмечается, что технологическая деструктуризация отбросила Россию на многие годы назад и по существу обеспечила ее «конкурентные недостатки» в мировом масштабе на долгие годы вперед. Если же говорить о внутренней ситуации, то разрыв технологических цепочек породил в качестве юридически самостоятельных предприятий огромное число «несистем» - «плоских» и «коротких» хозяйственных образований, которые не имеют полного воспроизводственного контура и не могут осуществлять инвестиционно-инновационную деятельность. Жизнь таких предприятий недолга - им не удастся

поддерживать и сохранять собственный рыночный потенциал и при изменении рыночной конъюнктуры или распространении новых технологий они вытесняются с рынка. Единственный выход из сложившейся ситуации - это сетевая интеграция в тех или иных, более или менее жестких формах, которой, к сожалению, часто препятствуют как непомерные амбиции, так и своекорыстные интересы руководителей предприятий. Ю.А.Петров совершенно справедливо говорит о деинвестировании как одном из самых характерных явлений последнего времени (в яркой форме это явление описывается также в известном докладе группы ученых ЦЭМИ «Пристегните ремни!», подготовленном под руководством В.Г.Гребенникова, а также в выступлении В.Г.Гребенникова и А.В.Суворова).

Существование огромного числа несбалансированных предприятий - прямая предпосылка непропорциональности экономики в целом. Кроме всем известных диспропорций между объемом производства и объемом инвестиций, в особенности вложениями в реальное производство, в докладе А.Р.Велюсова отмечаются и другие виды несбалансированности: между темпами спада производства и спада потребления, между производственными мощностями и объемом производства и др. Можно указать и на несоответствие структуры и численности экономически активного населения и структурой и численностью рабочих мест и т.д., непропорциональное распределение прибыли и т.п. Ко всем прочим, видам несбалансированности добавляется региональная несбалансированность, которая очень быстро ведет к региональному сепаратизму. В свою очередь, несбалансированность (по существу - несистемность) экономики порождает и неуравновешенность социально-экономического поведения граждан. Непредсказуемые, а порой и мазохистские политические решения на региональных выборах, импульсивное поведение в быту и на работе, даже снижение возможности к сосредоточенному дисциплинированному труду - следствия общей дестабилизации, разбалансированности и дезориентации поведения людей. И тут замыкается круг глобальной институциональной ловушки, в которую попадает вся наша страна: государство, представляющее собой сложную и всепроникающую систему институтов и организационных

структур, о чем говорит В.В.Радаев, не в состоянии стабильно и беспристрастно выполнять свои функции, если их не в состоянии выполнять отдельные люди. Столь же сильна и обратная зависимость.

Что же может сказать общепризнанная базисная экономическая теория о принципиально несбалансированной экономике? К сожалению, очень мало. В каком-то смысле это естественно: ведь видов несбалансированности очень много, а «каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Кроме того, можно высказать предположение, что «сильно несбалансированная» экономика - это как бы уже и не экономика, поскольку распределение экономических благ в условиях жестокого дефицита некоторых из них обычно подчиняется неэкономическим законам (подобно распределению остатков пресной воды на потерпевшем крушение корабле).

В свете сказанного можно предположить, что сама по себе концепция «Вашингтонского консенсуса» неявным образом опирается либо на предположение об уже достигнутой сбалансированности экономики, либо на возможность достижения сбалансированности в «автоматическом режиме», с помощью одних только либерализационных инструментов. Однако превратить принципиально несбалансированную экономику в сбалансированную только с помощью либеральных мер невозможно, если только не рассчитывать на чудо вроде насыщения пятью хлебами пяти тысяч верующих.

Третий пример эффекта от применения инструментария экономической теории дает использование системных принципов двойственности при анализе экономической реальности. Два основополагающих подхода доминируют сегодня в экономической науке: процессный и объектный. В одном случае «единицей наблюдения» является процесс, т.е. ход развития какого-либо явления, не имеющего, как правило, четких пространственных границ и распространяющегося на неопределенный ряд объектов. В другом случае «единица наблюдения» - это хозяйственный объект, имеющий определенные пространственные границы и развивающийся во времени. Процессный подход характерен, в частности, для макроэкономических теорий, объектный - для микроэкономического анализа. Однако, по-

видимому, ни один из них не должен быть единственным или доминирующим при переходе к разработке рекомендаций для экономической политики. Те, кто считает, что транзитные процессы в разных странах априорно имеют существенные общие черты и являются проявлением некоторого корневого процесса, по сути дела находятся в рамках процессного подхода, при котором качественные различия между объектами не замечаются. Весьма содержательным примером такого подхода может служить сравнительный анализ показателей спада производства, доли денег и государственных расходов в ВВП для стран градуалистской и обвальной реформации, представленный в работе Е.Т.Гайдара. Здесь различия в траектории и результатах предшествующего развития по существу элиминируются.

Если же, напротив, при изучении реформ ограничиться только особенностями одной страны, то часть важной процессной информации также будет утеряна. Очевидно, что истина лежит на путях совместного использования процессной и объектной информации, сочетания процессного и объектного подходов. В противном случае признание значимости таких факторов, как степень подготовленности реформ в каждой стране переходной группы, входит в противоречие с расчетами взаимосвязей показателей хода и результативности реформ, выполненных в предположении, что группа рассматриваемых стран образует однородную выборку.

Вообще дихотомичные деления для экономики являются, как правило, не органичными. Так, например, деление методов управления экономикой на административные и рыночные далеко не является исчерпывающим и корректным. А.Н.Илларионов однозначно отказывает в принадлежности к рыночным и относит к административным такие правительственные мероприятия, как поддержка курса рубля, усиление действий налоговых и таможенных органов для сбора налогов и пошлин, получение иностранных кредитов... Насколько же можно признать кредитные операции нерыночными?

По-видимому, деление мер на рыночные или административные практически вообще не релевантно. Можно говорить о преимущественно рыночной системе мер

или преимущественно административной системе, но строгая дихотомия в рамках одной экономической системы возможна лишь в редких случаях.

Обычно понятия «рыночный» и «административный» имеют смысл использовать как знаковые, обозначающие полюса или же направления институционального движения. Между ними лежит целый спектр различных институтов, среди которых Ю.А.Петров справедливо называет в качестве не рыночных, но и не административных режимов региональное самоуправление, судебную власть, вообще контрактно обусловленное поведение. Со своей стороны, хотим привести пример «спектральной» картины состояний между «рынком» и «нерынком», используя микроэкономический контекст.

Очевидно, внутри большинства предприятий взаимоотношения между самостоятельными агентами далеки от рыночных. Внутрифирменное управление имеет, как правило, иерархический характер и весьма далеко от «плоского» рыночного. Однако между чисто рыночным окружением предприятия и административной системой внутреннего управления часто простирается широкое поле «квазирыночных» взаимодействий, а именно, сфера интеграционных связей. За счет долгосрочности таких связей достигаются взаимовыгодные преимущества, с лихвой перекрывающие недостатки «связанности» при таких отношениях. Для современных предприятий «интеграционная палитра» таких отношений достаточно широка. Так, например, вокруг Чебоксарского завода электроники и механики в виде своеобразных спутников вращается более 30 предприятий, находящихся в самых различных отношениях с ЗЭИМом. Некоторые из них производят продукцию или выполняют работы и услуги исключительно для самого предприятия, другие работают и по сторонним заказам, для третьих последняя деятельность является основной. Одни выступают как дочерние фирмы, другие практически независимы, но все вместе они играют ту же роль, которую играет атмосфера для планеты Земля, оберегая ее от негативного и порой неожиданного воздействия агрессивной (читай: рыночной) среды.

Природа, как говорил Лейбниц, не знает скачков. Попытки скачком перейти от административной к рыночной

системе также носят неестественный характер, и когда мы сравниваем последствия рыночных реформ в разных транзитных странах, мы обязаны понять, в какой степени эти преобразования являлись скачкообразными. Дело ведь совсем не в скорости реформ. Пресловутая «степень подготовленности страны к реформам» - это не что иное, как наличие в недрах существующей системы жизнеспособных ростков нового порядка. При наличии таких ростков даже быстрое по времени движение нельзя назвать скачкообразным. Наоборот, при полной неподготовленности таким может показаться и растянутый переход. Ведь и сам по себе переход к рынку - это не движение из пункта А в пункт Б, а выращивание нового облика и содержания системы из этих самых содержащихся в ней ростков будущего.

В принципе необходимость учета особенностей развития данного объекта (группы стран, страны, региона и т.п.) при анализе его социально-экономического состояния и потенциала не вызывает сомнений. Гораздо более сложным выглядит вопрос о влиянии исторических особенностей на характер экономических теорий, развиваемых учеными - «инсайдерами» (по отношению к этому объекту). В данный момент экономическая наука России находится в состоянии дихотомического деления на «новых» и «старых» экономистов. «Новые русские» экономисты - это люди, ориентирующиеся в своих работах преимущественно на западную методологию исследования, пытающиеся подходить к анализу отечественной экономики с мерками и моделями, разработанными для иных стран. Для этих работ характерно широкое использование страновых аналогий, перекрестных данных при меньшей интенсивности использования исторических данных. «Старые русские» экономисты, напротив, ориентированы в большей степени на исторические данные и стремятся теоретически осмыслить особенности экономики России на базе учета ее тенденциальных особенностей, присущих ей органических черт, ментальности ее граждан. Можно отметить, что до недавнего времени между этими группами экономистов или, можно сказать, научными школами, существовали и значительные институциональные отличия: по объему связей в деловой и административной среде (банки, фонды,

администрация президента, правительство), легкости доступа к источникам опросной, статистической и политической информации, заказам банковских, правительственных и других структур и, в конечном счете, уровню благосостояния.

По нашему мнению, такое положение ненормально. Не годится, чтобы средства массовой информации использовали слово академик исключительно в кавычках или с эпитетами «советские академики», «замшелые академики» и т.п. Не годится, чтобы термин «монетарист» использовался в качестве ругательства. Правильно говорил в одном из своих недавних выступлений В.В.Ивантер: монетаризм - это не более, но и не менее, чем одна из наиболее известных экономических теорий XX века. Она заслуживает, по крайней мере со стороны научного сообщества, априорного уважения, и к ней, так же как к ее автору М.Фридмену (известному на Западе, кстати, не только разработкой этой теории, но и активной поддержкой Барри Голдуотера на президентских выборах 1964 г. в США) нельзя предъявлять претензии за расширительное в географическом и в политическом смысле ее применение. Уважительная и по возможности непредвзятая научная дискуссия - вот ристалище боев за истину, тем более за социально-экономическую истину. Не на Пленумах ЦК и не на страницах или экранах СМИ место такой дискуссии. Поэтому расширенное заседание бюро должно стать началом постоянного диалога, взаимно обогащающего ученых различных направлений и, самое главное, обогащающего сокровищницу экономической науки.

И еще один вопрос, который нельзя обойти, говоря об экономической теории. Этот вопрос уже поднимался в выступлении С.Ю.Глазьева, затрагивался в трудах В.М.Полтеровича и многих других участников настоящего совещания. Речь идет о модельной базе исследований в области экономической теории. По нашему мнению, состояние модельного инструментария экономической теории неудовлетворительно, а его порой спекулятивное применение должно взять на себя часть ответственности за неудачи в реализации экономической теории на основе модельных экспериментов. Приходится констатировать, что ни развитие вычислительной техники, ни достижения математических наук не привели к существенному повышению адекватности

тех наших моделей, которые отражают реальные объекты и предназначены для проверки конкретных гипотез и выработки адресованных им рекомендаций. Связанное с этим расширение арсенала моделирования лишь увеличило вариантность моделей и затруднило их сравнение и выбор наиболее эффективной. Неудивительно, что с помощью, казалось бы, сходной техники разные авторы приходят к различным выводам об эффективности государственного вмешательства в экономику.

В общем случае результаты модельного анализа суть сплав объективных (статистических) данных, а также субъективных и инструментальных, т.е. заключенных в самом «строительном материале» - математических конструкциях - сведениях. Если же стремиться минимизировать и «вынести за скобки» инструментальную информацию, то это приведет к такому количеству предпосылок, что исходная информация начинает во много раз превосходить конечную: гора собранной и инструментальной информации при тщательно проведенном моделировании рождает муть итогового результата. «Проверка гармонии» чистой алгеброй, хотя бы даже и высшей, не оставляет эту гармонию в живых.

В силу сказанного, применение моделирования в сегодняшнем его виде не стало преградой на пути расширения сферы субъективизма в экономике. Некритическое восприятие результатов даже элементарного моделирования характерно как для отечественной, так и для западной экономической теории. К сожалению, в последние годы в среде экономистов-математиков произошло определенное падение интереса к исследованию таких фундаментальных для методологии моделирования понятий, как адекватность, эффективность моделей, методы построения моделей в соответствии с целями, инструментальными и информационными возможностями моделирования и т.д. Разрывы между экономической теорией, ее модельным аппаратом и реальностью должны стать предметом пристального анализа и широкого обсуждения.

Хотелось бы согласиться и с важной мыслью о необходимости более тесного сопряжения экономической теории с результатами смежных наук, высказанной в выступлении В.В.Радаева. По-видимому, сфера экономической теории в настоящее время больше напоминает

протяженную плоскость, чем объемную фигуру. Дело в том, что хотя поле этой теории весьма обширно, попытки сопоставления ее исходных посылок или конечных выводов с практикой довольно быстро выводят вопрос из чисто экономического поля и требуют привлечения соображений, относящихся к психологии, социологии, этике, инженерным наукам и т.п. Иными словами, если ставить своей целью работу исключительно в рамках экономической теории, то вполне можно активно и плодотворно работать в некотором «полуаксиоматическом», чисто научном поле и не выходить за его пределы. Если же стремиться к выработке практических рекомендаций, то адекватность исходных посылок (аксиом), корректность информационных и модельных преобразований нуждаются в самом внимательном изучении. «Широта» поля экономической теории, таким образом, сочетается с его невысокой «глубиной».

Подводя итоги, можно сказать, что на сегодня экономическая теория и экономическая наука в целом содержат большое количество технологий «бинарного применения»: подобно приемам использования энергии атомного ядра, ее можно использовать либо «в мирных целях», т.е. как арсенал средств осмысления экономических аспектов реальности, улучшения качества взаимодействия людей в процессе производства и распределения благ, в конечном счете - повышения эффективности производства и качества потребления, либо в «военных целях», т.е. как средство догматического подгона практики под размеры прокрустова ложа той или иной теории. При этом, однако, приходится напомнить об ответственности ученых-экономистов за применение этого оружия, порой сокрушительных последствиях и обескураживающих результатах. «Не навреди!» - этот гиппократовский принцип должен главенствовать над стремлением к успеху, популярности, благосостоянию ученого-экономиста.

Один из героев Ильфа и Петрова говорил о себе, что родился между молотом и наковальней. Надо полагать, что вскоре после рождения он покинул это не слишком уютное место. Мы же с вами, дорогие коллеги, сознательно выбрали именно это пространство для всей своей жизни. Молот экономической практики сотрясает наковальню

фундаментальной и прикладной экономической теории, а экономисты пытаются увернуться от сокрушительных ударов, демонстрируя порой чудеса изворотливости.

В этих условиях, как говорил в конце «горячего» выпуска программы «Время» известный тележурналист С.Доренко: «Удачи вам, господа!».

В.М. Полтерович

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ - РЕЗУЛЬТАТ НЕВЕРНОЙ СТРАТЕГИИ РЕФОРМ

Наша тема «Экономическая теория и реформы». И первый вопрос, который возникает: а что, собственно, может дать экономическая теория для успешного проведения реформ? Возможно, я выскажу утверждение, с которым многие не согласятся: экономическая теория не может претендовать на то, чтобы указывать политикам, что им делать в данных конкретных обстоятельствах.

Я не буду развивать этот тезис, но один из главных аргументов в его пользу состоит в том, что при принятии решений в области экономики нужно принимать во внимание такие факторы, как давление различных политических групп, возможное голосование в Думе, реакция кредиторов за границей и т.д.

Хотя эти факторы пытаются учесть в современных экономических моделях, их прогностическая сила пока еще явно недостаточна для того, чтобы выработать конкретные рекомендации. Что же тогда может дать экономическая теория?

Экономическая теория выполняет весьма важную функцию в жизни общества: она создает идеологию, на базе которой принимаются решения, в частности, идеологию реформ. Эта идеология очень существенно, я бы сказал, непосредственно влияет на те шаги, которые проводят правительства в разных странах.

Реформы, которые проводились в восточно-европейских странах и в России, следовали рецептам так называемого «Вашингтонского консенсуса». В 1989 году в Вашингтоне была проведена совместная конференция Мирового банка и Международного валютного фонда, посвященная реформам в латиноамериканских странах. Основные выводы этой конференции были сформулированы в статье Джона